

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Д.А. АМАНЖОЛОВА*

Некоторые проблемы взаимодействия этнических элит Степного края и Туркестана в годы революции и Гражданской войны

В статье дан обзор взаимоотношений тюркских этнических элит Степного края и Туркестана, в которых отразились их амбиции, политическая незрелость и потребность в административной централизации. Главными причинами внутри-элитных противоречий автор считает вопрос о разделении компетенций и полномочий, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках Советского государства, которое восстанавливало свою целостность.

Ключевые слова: Степной край, Туркестан, Гражданская война 1917-1922 гг., автономизм, интеграция.

DOI: 10.25882/2gq9-p307

До революции контакты казахских и среднеазиатских политиков были спорадическими. Казахский образованный класс был гораздо прочнее интегрирован в общероссийское социально-политическое и культурное пространство, тогда как среднеазиатские джидиды были разрозненны и замкнуты в собственных административных и культурных ареалах. Во время выборов в Думу и в самой Думе казахские лидеры чаще сотрудничали с башкирскими, татарскими и азербайджанскими деятелями, в том числе на всероссийских мусульман-

---

* Дина Ахметжановна АМАНЖОЛОВА — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); amanzholova19@mail.ru

ских съездах. Восстание 1916 г. подтолкнуло к взаимодействию казахских и среднеазиатских активистов. По инициативе эсера В.А. Чайкина и секретаря мусфракции Думы М. Чокаева в августе была организована поездка членов мусфракции в Туркестан (К.Б. Тевкелев, У. Ходжаев, Ш. Мухамедьяров). Тевкелев собирал материалы о восстании и действиях администрации, злоупотреблениях в отношении мусульман и евреев. Джадиды рассчитывали, что их патриотизм в условиях мировой войны обеспечит им более быстрое включение в политический ландшафт России, независимо от приверженности мусульманской солидарности и пантюркизму. К. Абдуллаев называет их «тюрко-таджикскими горожанами» [Абдуллаев, 2016], не имевшими поддержки в массах. Казахские демократы активно наращивали связи с российскими политическими силами, имея необходимый авторитет в Степи, несмотря на противодействие консервативной аристократии. «Западничество» казахских активистов, в том числе большое влияние светской культуры, диктовало их настроенное отношение к джадидам.

Складывание в регионах достаточно значимых образованных и политически активных слоев актуализировало федералистские настроения. Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в политической эволюции этноэлит Степного края и Туркестана, а общероссийский административно-территориальный формат стал основой для региональных этнополитических проектов, повлиял на взаимодействие региональных лидеров. Динамика автономистских предпочтений и их конкретных моделей зависела от характера и скорости политических процессов в регионах, уровня организованности и влияния активистов, силы и прочности связей между основными участниками борьбы за власть. Центральноазиатские автономисты были вынуждены действовать в экстремальных обстоятельствах начавшейся Гражданской войны, так как практическое воплощение этих моделей пришлось на 1918 г. Их почти безграничная вера в автономию как единственный путь к прогрессу, в рамках которого они, безусловно, получают государственные институты и желанную власть как представители своих народов, подкреплялась традициями этносоциальной иерархии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 129. Л. 112).

Переустройство государственности шло в ожесточенном противоборстве конкурирующих проектов — общероссийских (большевистского и антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные приоритеты. Основная борьба развернулась между разношерстной региональной элитой с разной идей-

ной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью и леворадикальными социалистами. Часть казахов активно контактировали с младобухарцами вплоть до возникновения БНСР. Сложнее было с хивинцами ввиду их географической отдаленности¹.

В апреле 1917 г., сразу за I краевым съездом Советов и съездом делегатов исполкомов Советов, где была поддержана идея федерации в России, I краевой съезд мусульман создал Краймусовет. Делегаты разделились на федералистов (сторонники культурной автономии) и их противников, но поддержали автономию в составе демократической федеративной России. Как вспоминал глава краевого муссовета М. Чокаев, «на съезде ни один голос не выступил за отделение от России» [Агзамходжаев, 2006: 117–122].

Идея автономии в мусульманском политическом классе Туркестана была озвучена летом 1917 г., и толчком послужил информационный повод: известие о создании на Украине Центральной Рады². Ведущие политические деятели Бухары и Хивы в итоге переместились в Ташкент, составив часть мусульманского актива Туркестана. Чокаев называл его лидеров национал-революционерами и федералистами. Бехбуди писал о поддержке российского федерализма и желании, «не отделяясь от России», ввести такой парламентаризм в регионе, который обеспечил бы учет интересов «всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин» [Агзамходжаев, 2006: 121; Исаков, 2014]. Этнический критерий идентификации не рассматривался. Консолидация на конфессиональной основе в определенной мере служила способом сгладить внутренние противоречия в рядах малочисленного этнополитического актива, хотя и у религиозных деятелей представления об автономии были смутными. Даже раскол в июне и выделение «Шурои-Уламо» были вызваны различиями в трактовке пределов и самой необходимости исламской модернизации. Возникшая в июне

---

¹ С ними уже после 1920 г. поддерживал тесные контакты С. Ходжанов и некоторые другие. В 1918 г. Т. Рыскулов и несколько его соратников наряду с узбекскими деятелями активно контактировали с партией «Иттихад ва Тараки», Рыскулов даже был ее членом.

² Показательно, что одновременно глава Турккомитета Временного правительства Н.Н.Щепкин на совещании в МВД о преобразовании управления и самоуправления в крае 15 июня получил поддержку своего предложения о децентрализации и разграничении полномочий: центру оставались вопросы военной защиты, ирригации, продовольствия, иностранных дел и временно — народного образования, сельхозполитики и краевой земской сметы. Областным комиссарам передавались бы функции губернаторского управления (ГА РФ. Ф.1788. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–6). По сути, это означало практический шаг к федерализации.

1917 г. ортодоксальная «Шурои-Уламо» предлагала создать «чисто мусульманскую автономию», но так называемые прогрессисты сочли эти идеи утопичными и антинациональными. Глава газеты «Хуррият» А. Фитрат «ради Бога, религии, Родины и нации» призывал объединиться джадидов, кадимов, мулл и богатых людей, закрыв глаза на имеющиеся амбиции и «классовые деления» [История, 2012: 282; Агзамходжаев, 2006: 125]. Таким образом, понятие «нация» никак не связывалось с этничностью. «Улуг Туркестан» 30 апреля 1917 г. призывал: «Долой разделение на татар, сартов, казахов! Да здравствует мусульманство и тюркизм!», для чего, в частности, «создать единый чистый тюркский язык». Нацестроительство совсем не стояло в повестке дня ни центра, ни туркестанских националов-демократов. И ныне в Центральной Азии рассматривают надэтническую конструкцию, коей оказалась Туркестанская автономия, как «национальное государство» [Туркестан в начале XX в., 2000; Абдуллаев, 2017: 273–290].

Важным стимулом к росту автономизма стали также решения I всеказахского съезда в Оренбурге (21–26 июля), свое влияние оказывали башкирские и азербайджанские деятели, принявшие участие в ташкентских событиях (А.З. Валиди) или приезжавшие поделиться опытом (А. Амин-Заде)³. Ускорение политизации национальных сил придавала и борьба местных Советов за единовластие. II краевой мусульманский съезд (7–11 сентября, Ташкент), на котором младобухарец У. Ходжаев проинформировал делегатов о поездке в столицу и подготовке Туркестана к выборам в Учредительное собрание, заявил о неприятии власти Советов и предложил коалицию «всех политических сил страны», дабы сделать ее «всенародной». Это усилило отчуждение между националами и большевиками, которые к тому же конфликтовали с меньшевиками и эсерами. На следующий день Ташкентский исполком под влиянием большевиков фактически захватил власть, что побудило их противников в краевых Советах солдатских, рабочих, крестьянских, казахских и общемусульманских депутатов объединиться и перебраться в Скобелев. 17–20 сентября на съезде в Ташкенте имела место попытка объединить усилия туркестанских и казахских (от Тургайской и Уральской областей) мусульман, практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого, в свою очередь, обострением ситуации

³ Это разностороннее воздействие отчетливо прослеживается по содержанию программы так называемой Партии тюркских федералистов, провозглашенной в июле на съезде мусульманских организаций в июле 1917 г. См. [Агзамходжаев, 2006: 159–164].

в Петрограде. И. Шагиахмедов разработал проект федерации [История коммунистических, 1967: 170–179; Туркестан в начале XX века, 2000: 50–60; Агзамходжаев, 2006: 169–180]. Однако решение съезда о будущей Туркестанской федерации в составе Российской республики не привело к объединению казахских и туркестанских автономистов. Взятие власти большевиками в столице и 1 ноября — в Ташкенте заставило и тех и других перейти к самостоятельным действиям, к чему подтолкнули и местные левые, упорно боровшиеся за полномочия Советов и пока не заявлявшие о своей позиции по национальному вопросу. Туркестанские националы, не имея по соседству сильного регионального партнера и не получив поддержки казахских автономистов в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявили о нейтральной позиции по отношению как к свергнутому Временному правительству, так и большевикам.

«Объединенное совещание различных мусульманских групп» (12–15 ноября, Ташкент), умеренные социалисты и эсеры в краевом совете не добились реальной консолидации, что укрепляло радикально настроенные силы во главе с большевиками. В острых дискуссиях III краевой съезд Советов (15–19 ноября) проигнорировал предложения о коалиции умеренной части делегатов, в том числе мусульманских, и принял провокационное решение. В СНК Туркестана не получили доступа не только «оборонцы», но и представители коренного населения «ввиду полной неопределенности отношения туземного населения» к власти Советов и отсутствия у него «пролетарских классовых организаций». Наказ правительству содержал идею о пропорциональном представительстве коренного населения [Победа, 1947: 93; Туркестан в начале XX века, 2000: 76], но выполнен не был. К тому же исполнительная власть советской автономии оказалась решающей, поскольку ЦИК был образован V съездом Советов края лишь в конце апреля 1918 г.

В ответ IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд в Коканде 26–28 ноября (9–11 декабря) 1917 г. принял решение, «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвещенных великой Российской революцией», объявить Туркестан территориально автономным «в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому учредительному собранию». До созыва Учредительного собрания вся полнота власти переходила к Туркестанскому Временному Совету и Туркестанскому Народному (Национальному) собранию. Предполагалось треть мест в собрании предоставить «евро-

пейским» организациям края, а также создать мусульманскую и немусульманскую курии в Учредительном собрании автономии. На деле в правительство автономии вошли восемь членов Временного Совета — четыре узбека, три казаха, два татарина, один еврей, т.е. из коренных народов были представлены лишь узбеки. Четыре места резервировались для «европейцев», во Временном Совете их не оказалось [Исхаков, 2014]⁴.

В качестве обоснования кокандские националы указали: их решение не противоречит ленинским декретам и идет в русле времени, когда «все народы стали объявлять автономии». Более того, поскольку право на нее имеют «народы, составляющие 69%» региона, никто не должен отрицать права мусульман, объединивших 95% населения Туркестана. Итак, религиозная общность была решающей для туркестанской элиты в политическом самоопределении региона. Обещание соблюдать права русских, евреев, армян и других народов сопровождалось предупреждениями о «неприятных событиях» в случае препятствий автономии. Это, как и призывы манифестантов к конкурирующим силам воздержаться от обострения отношений, отражало общую неопределенность ситуации и неуверенность сторонников автономии в исходе инициативы⁵.

Кратковременная история кокандских автономистов состояла из попыток обеспечить выживание населения. Предложение продовольственной помощи от представителей антисоветского Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, созданного в ноябре на Северном Кавказе, подвигло кокандцев к решению вступить в него⁶. Впрочем, это была лишь декларация. Автономисты начали формировать армию, набрав от 1000 до 2000 человек.

---

⁴ Премьер-министром и министром внутренних дел был избран М.Тынышпаев, его заместителем — И.С. Шагиахмедов, министром иностранных дел — М. Чокаев, который позже стал премьер-министром, военным министром — У. Ходжаев, впоследствии возглавивший правительство, министром земледелия и водных ресурсов — Ю. Агаев, министром продовольствия — О. Махмудов, министром финансов — С. Герцфельд. В состав Временного национального собрания (Милли меджлис) вошли У. Ходжаев, М. Чокаев, Т. Норбутаев, М. Бехбуди, М. Акчурин и др. С.М. Исхаков считает, что национальный состав правительства отразил демократические веяния и психологию туркестанизма как осознания общей родины.

⁵ Улуг Туркестан. 8, 10 декабря 1917. Национальное собрание намеревалось разработать конституцию, правительство экспроприировало типографию О. Махмудова, организовало выпуск газет на языках основных народов края (это было, пожалуй, единственным признанием де-факто наличия этнических общностей внутри автономной «нации») и поставки зерна через Оренбург.

⁶ Туркестанский вестник. 9 декабря 1917.

Одной из самых острых проблем стало финансирование [Туркестан в начале XX века, 2000: 99–100]. Руководство перешло от Тынышпаева к Чокаеву, более склонному к решительным действиям в «защиту мусульманских интересов». Однако его амбиции по поводу руководства объединенными силами туркестанских и казахских националов последние не поддержали.

Туркестанская автономия, ставшая результатом протеста полиэтничной национальной элиты при поддержке коренного населения, опиралась больше на общественные ожидания, нежели на заранее выработанную программу. «Чувство неудовлетворенности настоящим и жажда перемен», объединявшие весь политический актив Туркестана — от джадидистов до кадимистов [Абдуллаев, 2017: 282], оказались недостаточными для овладения властью. Партийные этнополитические институты также не получили оформления в предшествующий период. Финансы кокандцев были крайне ограничены, а вооруженные силы не успели организовать. Границы автономии в документах ее инициаторов не определялись, подразумевая, очевидно, прежнее пространство Туркестанского края. Не нашлось у автономистов и надежных союзников, как и «внешних» партнеров, готовых поддержать этот проект, да и в самой «команде» руководителей единодушия не было. Горизонтальные связи для выяснения этнических территорий, их границ и практической конкретизации форм федерации в случае с Туркестаном фактически оказались крайне слабыми. «Европейское» население Коканда оставалось сторонним наблюдателем. Вкупе с перманентной борьбой за власть в регионе и острой конкуренцией всех ее участников, радикализмом местных большевиков и неопределенностью в отношениях с Петроградом автономия была обречена.

Единству действий казахских автономистов мешали территориальные разломы Степи. На 2-м всеказахском съезде Букейханову удалось преодолеть сопротивление сторонников союза с Туркестаном, уступив им в требовании немедленного объявления автономии. Лидер Алаш разумно предлагал провозгласить ее лишь после выяснения отношения к этому некоренного населения и создания народной милиции. Эти важные идеи были проигнорированы, хотя решение съезда декларировало предоставление 10 из 25 мест в правительстве «другим народам». Вскоре выяснилось, что казахский актив Сыр-Дарьинской области готов соединиться с Алашской автономией при условии ее союза с Туркестаном, а казахская столица должна была основаться в г. Туркестан. В итоге образование Алашской автономии со столицей

в Семипалатинске по факту состоялось решением 2-го съезда. Еще в январе 1918 г. алашординцы не предпринимали попыток перейти от декларации к делу. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление области в составе Туркестанской автономии.

Меж тем на государственном совещании в Уфе (сентябрь 1918 г.) лидеры Туркестана и Алаш выступали солидарно. Делегации Алаш-Орды и автономии Туркестана возглавляли А. Букейханов и М. Чокаев. Большинство членов совещания являлись сторонниками «народовластия» и противниками диктатуры. Делегаты Алаш-Орды присоединились к ним. 12 сентября Букейханов заявил: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России» (ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 30). Одновременно был разрешен внутренний конфликт в Алаш-Орде, вызванный амбициями Ж. Досмухамедова и его попыткой создать в Уральской области ханство Уильский оляят. По инициативе Букейханова в дни совещания полномочия единого центра автономной власти были подтверждены специальным решением алашординцев. Уильский оляят стал составной частью автономии, а не самостоятельным юридическим образованием, что укрепляло статус Алаш-Орды как легитимного представителя всех областей, включенных в состав автономии.

Федерализм для Казахской степи и Туркестана этнополитическая элита региона рассматривала как воплощение автономии для своих народов — национально-территориальной у казахов и культурно-религиозной в рамках бывшего генерал-губернаторства для среднеазиатской. Лидер Алаш А. Букейханов, поддерживая создание полиэтничных автономий за Уралом и в Поволжье с участием живших там казахов, на деле с конца 1917 г. возглавил этноцентристский проект. Альянсы и конфликты автономистских структур в Центральной Азии объективно отражали потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. Столь же отчетливо отражались противоречия в разделении компетенций и полномочий, нуждающихся в тонкой настройке для устойчивой территориальной и политической организации полиэтничного государства, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках госу-

дарства, которое восстанавливало свою целостность. В границах распавшейся и собирающейся сызнова империи в 1917–1918 гг., на основе разных по географии, возможностям и дееспособности структур зарождались федералистские проекты, которые стремились утвердить как общероссийские и региональные. В условиях революции и войны было практически невозможно достичь гармонизации этого комплекса взаимосвязей. Свою роль сыграла вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими отношениями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями был гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, где ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой этноэлиты.

Литература

- Абдуллаев, 2016 — *Абдуллаев К.* Почему Средняя Азия восстала против России (К 100-летию восстания 1916 года: заметки историка) // Navruz Media. 12 мая 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016).
- Абдуллаев, 2017 — *Абдуллаев Р.* Восстание 1916 г. и национальные политические организации Туркестана // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017. С. 273–290.
- Агзамходжаев, 2006 — *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии: (Туркестон Мухторияти). Ташкент, 2006.
- История, 2012 — История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX в.). Самарканд, 2012.
- История коммунистических, 1967 — История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967.
- Исхаков, 2014 — *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии // Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром. Сб. статей. [Электронный ресурс]. URL: <http://kh-davron.uz/kutubxonatarix/turkestanskaya-avtonomiya-turkiston-muxtoriyati-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2014).
- Победа, 1947 — Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: Сб. документов. Ташкент, 1947.
- Туркестан в начале XX века, 2000 — Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000.